

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая / Федеральный закон Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. //Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. - № 32. – Ст.233.
2. Козлова А.Е. К вопросу о приобретении и прекращении права собственности на культурные ценности // Культура: управление, экономика, право. - 2008. - № 1.
3. Зубенко Ю.С. Археологическая находка и клад: сравнительно-правовой анализ // Цивилист-2011. - №4.

РЕОРГАНИЗАЦИЯ УНИТАРНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

Я.А. Калашникова

Научный руководитель: ст. преп. Кузьмич А.П.

Белорусская государственная сельскохозяйственная академия, г. Горки

Унитарное предприятие (далее - УП) как организационно-правовая форма осуществления коммерческой деятельности прочно закрепилось в правовой и экономической жизни. УП вызывает огромный интерес исследователей специфичностью своей правовой природы. Законодатель наделил УП комплексом своеобразных, не свойственных иным субъектам хозяйствования признаков, которые порождает определенные особенности как при осуществлении деятельности, так и при реорганизации УП.

Ст. 113 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК Республики Беларусь) гласит, что УП является коммерческой организацией, не наделенная правом собственности на закрепленное за ней собственником имущество [1]. Имущество УП является неделимым и не может быть распределено по вкладам (долям, паям), в том числе между работниками предприятия.

Не безынтересным представляется вопрос и о прекращении деятельности УП в форме реорганизации. В настоящее время ГК Республики Беларусь урегулирован лишь один случай, когда может быть реорганизовано УП.

Так, в случае раздела имущества, находящегося в совместной собственности супругов, а также перехода права собственности на имущество УП в порядке наследования, правопреемства либо иными не противоречащими законодательству способами к двум и более лицам УП может быть реорганизовано путем деления (выделения) либо преобразования в хозяйственное товарищество или общество в порядке, установленном законодательством и соглашением сторон. В данном случае реорганизация УП является вынужденной мерой, так как право собственности на имущество УП исходя из его правовой природы не может находиться у двух или более лиц [1].

Однако в юридической литературе отмечается, что возможность деления имущества УП на доли нельзя рассматривать как нарушение принципа единства и неделимости имущества. Это объясняется тем, что долевая собственность на имущество УП может возникнуть не в результате действий, напрямую направленных на достижение такого результата, а как следствие иных юридических фактов (событий). Наступление данных событий не зависит от воли собственников имущества УП. Кроме того, в случаях, предусмотренных ст. 113 ГК Республики Беларусь, деление имущества УП на доли связано с необходимостью прекратить деятельность такого УП (в частности, путем его реорганизации) или предпринять такие меры, которые бы исключили долевую собственность на его имущество, что лишним раз подтверждает невозможность существования УП на основании долевой собственности [2].

Возможность преобразования УП в хозяйственное товарищество или общество влечет некоторые отрицательные последствия для собственников имущества предприятия. К таким последствиям, в частности, могут быть отнесены:

- трансформация вещных прав на имущество УП в обязательственные права в отношении созданного хозяйственного товарищества или общества, которые являются

собственниками своего имущества;

- отрицательные последствия, связанные с ответственностью участников полного товарищества и участников общества с дополнительной ответственностью;

- обязанность участников полного товарищества непосредственно заниматься предпринимательской деятельностью от имени товарищества.

Также следует помнить, что в соответствии со ст. 63 ГК Республики Беларусь участниками полных товариществ и полными товарищами в командитных товариществах могут быть индивидуальные предприниматели и (или) коммерческие организации. Таким образом, если, например, два лица, к которым право на имущество предприятия перешло по наследству, принимают решение о преобразовании УП в порядке, установленном ст. 113 ГК Республики Беларусь, в полное товарищество, то они обязаны зарегистрироваться в качестве индивидуальных предпринимателей. Если УП преобразовывается в командитное товарищество, то зарегистрироваться в качестве индивидуального предпринимателя должен только один из них, кто планирует стать полным товарищем.

Отсутствие специального нормативного правового акта, который регулировал бы общественные отношения, складывающиеся при реорганизации УП, весьма затрудняет задачу определения его правовой природы и проведения его анализа. В силу актуальности и значимости рассматриваемых правоотношений законодательство следует обратить внимание на рассматриваемую проблематику и принять необходимый правовой акт в данной сфере.

Литература

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 28 октября 1998 г.: одобр. Советом Респ. 19 ноября 1998 г.: текст Кодекса по состоянию на 3 июля 2011 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.

2. Гражданское право. В 3т. Т.1: учебник / А.В. Каравай и др.; под ред. В.Ф. Чигира.- Минск: Амалфея, 2008. - 864 с.

ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВ СОБСТВЕННОСТИ НА ТЕРРИТОРИИ СОВМЕСТНОГО ПОЛЬЗОВАНИЯ

Д.С. Кивуля

Научный руководитель Базылев Н.И. д.э.н., профессор

«Белорусский государственный экономический университет», г. Минск

Права собственности могут развиваться "снизу вверх" когда субъекты конкурируют за пользование ресурсом для достижения свободы от конкуренции как главной цели. Гарольд Демзек отмечает, что существование *res nullius* (открытого доступа) или частной собственности на управление ресурсом, зависит от уровня ожидаемых выгод от собственности и издержек мониторинга и исполнения режима прав собственности - исключения не собственников [1].

Когда ресурс становится редким и сокращаются издержки установления права собственности и его исполнения возрастает возможность спецификации и защиты прав собственности. Принимая во внимание, пример, приведенный Ричардом Познером, относительно примитивных сообществ границы земельных участков (основного пользования) которых соприкасаются, а площадь их относительно мала по сравнению с общим количеством свободных земель [2]. Если вокруг достаточно свободных не тронутых земель, нет конкуренции за использование ресурса, издержки спецификации прав собственности значительны, по сравнению с выгодами и нет нужды в правах собственности [2]. Однако рост населения приводит к конкурирующему пользованию, и земельный ресурс становится ценным редким. Возникает необходимость защищать соблюдение прав собственности и искать методы снижения издержек. Таким образом,

образование прав собственности связано с сопоставлением предельных издержек и предельных выгод [1]. Как только предельные выгоды перевешивают предельные издержки установления и соблюдения, возникает система прав собственности.

Тем не менее, собственность не в обязательном порядке принадлежит определенному индивиду в отдельности. По мнению Элинора Остром общественная собственность способна разрешить проблемы конкурентного пользования [3]. В книге «Governing the Commons» Остром определяет ресурс совместного пользования как «естественная или искусственно созданная система ресурсов, которая слишком велика, что делает исключение возможных получателей выгод дорогостоящим (но возможным)». Трудности, возникающие в сфере ресурсов совместного пользования аналогичны тем, что возникают в связи с существованием проблемы безбилетника [3]. Остром считает что: «Когда участники процесса присвоения действуют независимо по отношению к ресурсу совместного доступа, тем самым делая его редким, общие чистые выгоды (получаемые ими) будут ниже, чем они могли бы быть, если бы их деятельность была стратегически скоординирована каким-то образом». Для борьбы с этими проблемами существует институт общей собственности. Маргарет Маккин и Остром определяют его как «общая собственность – совместная частная собственность», которая дает всем индивидуальным собственникам долю в совокупности ресурса и, таким образом, дает им соответствующие стимулы защищать ресурс.

Развивается ли собственность как частная, или как разделенная общая собственность, определение и затраты на реализацию, вероятно, будут ниже на местном уровне, потому что у вовлеченных в процесс есть больше стимулов и больше возможности сэкономить на расходах, есть многие причины ожидать это. Люди на местном уровне, вероятно, будут более культурно однородными, и та однородность обеспечивает создание норм, которые могут помочь решить конфликты конфликтного потребления. Такие социальные и культурные нормы развиваются в течение долгого времени: нормы, повышающие эффективность, заменяют нормы, ведущие к снижению эффективности; те, кто не соглашается с нормами, переезжают туда, где нормы лучше соответствуют их предпочтениям [1]. Культурная однородность также уменьшает транзакционные издержки через общий язык, который может понизить затраты определения прав собственности и ведения переговоров по их использованию.

Процедуры делопроизводства, также вероятно, будут менее дорогостоящими в культурно однородной группе. Культурные нормы определяют правильное и неправильное поведение и обеспечивают дешевые способы решить споры. Поскольку люди в пределах группы противостоят подобным конфликтам по правам собственности, традиция становится способом сэкономить на делопроизводственных затратах. Следовательно, общее право развивается, категоризируя общие черты между различными конфликтами, и использует эти общие черты, чтобы создать правила ответственности за собственность.

Кроме того, однородные взаимозависимые технологии могут понизить затраты определения и исполнения прав собственности. Экономия от масштаба производства в процессе производства может подтолкнуть членов сообщества к тому (в дополнение к уходу от трагедии свободного городского населения), чтобы сотрудничать и может обеспечить механизм для исключения других.

Литература

1. Harold Demsetz, The Exchange and Enforcement of Property Rights, 7 J.L. & ECON. – 1964. – P. 11, 20.
2. Terry L. Anderson & Peter J. Hill, Privatizing the Commons: An Improvement?, S. ECON J. – 1983. – P. 438, 441.
3. Robert c. Ellickson, Order without law: how neighbors settle disputes 177-82 . – 1991. – P. 20.

К ВОПРОСУ О МЕСТЕ СТРАХОВЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ В СИСТЕМЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

О.О. Корнилова

Научный руководитель: ст. преп. Савельчева Э.М.

Альметьевский филиал ИЭУП (г. Казань)

Страховое обязательство - это обязательство, в силу которого одно лицо (страховщик) обязуется за установленную плату (страховую премию), уплаченную другим лицом (страхователем), преследующим цель защиты имущественного интереса посредством обеспечения возможной в будущем потребности имущественного характера, при наступлении в течение установленного срока определенных событий (страхового случая) осуществить выплату страхового возмещения (страховой суммы) в пользу страхователя или иного определенного лица.

Особенности объекта страхового обязательства лежат в основе выделения двух форм страхования: имущественного и личного. Как самостоятельная форма имущественное страхование характеризуется тем, что в качестве его объекта выступает имущественный интерес в защите от убытков, связанных с утратой (гибелью), недостачей или повреждением определенного имущества. Личное страхование имеет объектом интерес в охране жизни, здоровья, трудоспособности, пенсионного обеспечения гражданина.

Следует учитывать, что имущественное и личное страхование имеют в своей основе универсальную обеспечительную сущность (функцию). В одном случае она проявляется в возмещении понесенных убытков, в другом - в выплате определенной денежной суммы независимо от наличия или отсутствия убытков. Отсюда в доктрине страхового права исторически сложилось наименование имущественного страхования как страхования убытков, а личного - как страхования сумм.

Проводимое ранее разграничение форм страховых обязательств по источнику их возникновения на добровольную и обязательную утратило в настоящее время смысл в связи с закреплением общего правила о создании как добровольного, так и обязательного страхования на основе договора (п. 1 и 2 ст. 927, п. 1 ст. 936 ГК РФ). Различия проявляются лишь в самом характере договора. При добровольном страховании договор выступает как свободное выражение частной автономии воли страховщика и страхователя с распространением на него всех общих правил о договорных обязательствах и сделках. Для обязательного страхования заключение договора вытекает из императивного предписания закона как частный случай установленного законом понуждения к заключению договора (абз. 2 п. 1 ст. 421 ГК РФ), предусматривая при этом последствия нарушения правил об обязательном страховании (ст. 937 ГК РФ).

Вопрос о месте страховых обязательств в системе гражданско-правовых обязательств является дискуссионным. Одни авторы при классификации обязательств выделяют обязательства по страхованию в самостоятельную группу, другие относят их группе обязательств об оказании услуг.

Несмотря на то, что позиция последних получила довольно широкое признание, возможность отнесения страховых обязательств к обязательствам об оказании услуг вызывает сомнения. Прежде всего, для этого отсутствуют основания в законодательстве. В п. 2 ст. 779 ГК РФ договоры страхования не указаны ни в перечне тех договоров, на которые правила данной главы не распространяются. Из этого можно сделать вывод, что законодатель вообще не рассматривает договоры страхования как договоры об оказании услуг.

Страховое обязательство является самостоятельным типом обязательств. Оно не может быть отнесено к обязательствам по оказанию услуг, поскольку их объекты принципиально различны. Объектом обязательства по оказанию услуг является услуга, в то время как объектом страхового обязательства является имущественный интерес.